

В октябре 1827 года в журнале «Московский вестник» были напечатаны стихи Пушкина «Женщины. Отрывок из Евгения Онегина». Они предназначались для начала четвертой главы романа, но так и не были в неё включены, а лишь обозначены номерами пропущенных строф.

Итак – «Женщины. Отрывок из Евгения Онегина»:

В начале жизни мною правил
Прелестный, хитрый, слабый пол;
Тогда в закон себе я ставил
Его единый произвол.
Душа лишь только разгоралась,
И сердцу женщина являлась
Каким-то чистым божеством.
Владея чувствами, умом,
Она сияла совершенством.
Пред ней я таял в тишине:
Её любовь казалась мне
Недосягаемым блаженством.
Жить, умереть у милых ног –
Иного я желать не мог.

*

То вдруг её я ненавидел,
И трепетал, и слёзы лил,
С тоской и ужасом в ней видел
Созданье злобных, тайных сил;
Её пронзительные взоры,
Улыбка, голос, разговоры —
Всё было в ней отравлено,
Изменой злой напоено,
Всё в ней алкало слёз и стопа,
Питалось кровию моей...
То вдруг я мрамор видел в ней,
Перед мольбой Пигмалиона
Ещё холодный и немой,
Но вскоре жаркий и живой.

*

Словами вещего поэта
Сказать и мне позволено:
Темира, Дафна и Лилета —
Как сон забыты мной давно.
Но есть одна меж их толпою...
Я долго была пленён одною —
Но был ли я любим, и кем,
И где, и долго ли?.. зачем
Вам это знать? не в этом дело!
Что было, то прошло, то вздор;
А дело в том, что с этих пор
Во мне уж сердце охладело,

Закрылось для любви оно,
И всё в нем пусто и темно.

*

Дознался я, что дамы сами,
Душевной тайне изменяя,
Не могут надивиться нами,
Себя по совести ценя.
Восторги наши своенравны
Им очень кажутся забавны;
И, право, с нашей стороны
Мы непростительно смешны.
Закабалась неосторожно,
Мы их любви в награду ждём,
Любовь в безумии зовём,
Как будто требовать возможно
От мотыльков иль от лилей
И чувств глубоких и страстей! (VIII, 646–648)

Когда этот отрывок увидел свет, дамы возмутились. Костромская помещица Анна Ивановна Готоцева прислала в альманах А.А. Дельвига «Северные цветы» своё восторженное послание Пушкину, «славе наших дней», «поэту, любимому небесами», которое заканчивалось упрёком:

Несправедлив твой приговор, —
Но порицать тебя не смеем:
Мы гению простить умеем —
Молчанье выразит укор¹.

По настоянию Дельвига и П.А. Вяземского Пушкин написал стихотворный ответ костромской поэтессе, правда, написал не сразу. В середине ноября 1828 года он сообщал Дельвигу из Малинников в Петербург, что его ответ Готовцевой не готов: «Я совершенно разучился любезничать» (XIV, 34). 26 ноября из Малинников в Петербург к Дельвигу отправилось другое письмо:

«Вот тебе ответ Готовцевой (чёрт ее поберит), как ты находишь *ses petits vers froids et coulants* (эти холодные и гладенькие стишки. — фр.). Что-то написал ей мой Вяземский? а от меня ей мало барыша. Да в чём она меня и впрямь упрекает — ? в неучтивости ли противу прекрасного полу, или в похабностях, или в беспорядочном поведении? Господь её знает» (XIV, 35).

Стихотворные комплименты Готовцевой, сочинённые и Вяземским, и Пушкиным, были напечатаны в «Северных цветах» на 1829 год вместе с её посланием «А.С. Пушкину». Отрывок «Женщины», послуживший поводом к упрекам, как уже было сказано, не вошёл в текст четвёртой главы «Евгения Онегина», которая увидела свет 31 января — 1–2 февраля 1828 года. Глава начиналась сразу с VII строфы (V и VI строфы остались в черновиках романа), и VII строфа также посвящена женщинам:

Чем меньше женщину мы любим,
Тем легче нравимся мы ей
И тем её вернее губим
Средь обольстительных сетей.
Разврат, бывало, хладнокровный
Наукой славился любовной,

Сам о себе везде трубя
 И наслаждаясь не любя.
 Но эта важная забава
 Достойна старых обезьян
 Хвалёных дедовских времян:
 Ловласов обветшала слава
 Со славой красных каблуков
 И величавых париков. (VI, 75)

«Так точно думал мой Евгений», — скажет Пушкин далее. Но Онегин думал «так точно», как сам поэт. Недаром VII строфа почти дословно повторяет его письмо к брату Льву, написанное осенью 1822 года из Кишинёва в Петербург:

«То, что я могу сказать тебе о женщинах, было бы совершенно бесполезно. Замечу только, что чем меньше любим мы женщину, тем вернее можем овладеть ею. Однако забава эта достойна старой обезьяны XVIII столетия. Что касается той женщины, которую ты полюбишь, от всего сердца желаю тебе обладать ею» (*оригинал по-фр.*; XIII, 524).

Пушкин обещал брату, что он когда-нибудь услышит его исповедь. И поэт выполнил своё обещание — в отрывке «Женщины». Это исповедь его сердца, которую ни Готовцева, ни другие читательницы и читатели «Московского вестника» не услышали. Возможно, потому и ворчал Пушкин в письме к Дельвигу — разве дело в том, что в «Женщинах» есть «неучтивости противу прекрасного полу?» Возможно, потому и не включил он отрывок «Женщины» в текст четвёртой главы своего романа. Единожды напечатанный и непонятый, будет ли он понят, оттиснутый второй раз?

Между тем это сокровенные размышления Пушкина о женщинах, о любви, о счастье, к которому он так стремился, о котором он так мечтал: женщина — совершенство, божество и женщина — воплощение зла. И ещё — та женщина, которую он, подобно Пигмалиону, может сотворить, дать жизнь холодному мрамору, вдохнув в него свою любовь...

Сердце рано заговорило в нём. В детстве первое чувство он отдал девочке, вместе с которой учился танцевать. В лицее его пленила крепостная актриса Наташа, а потом (или одновременно?) сестра лицейского товарища Екатерина Бакунина:

«Я счастлив был!.. нет, я вчера не был счастлив; поутру я мучился ожиданием, с неописанным волнением стоя под окошком, смотрел на снежную дорогу — её не видно было! Наконец я потерял надежду, вдруг нечаянно встречаюсь с нею на лестнице, — сладкая минута!..» (XII, 297).

Петербургские увлечения — красотки полусвета, актрисы, «ночная княгиня» Евдокия Голицына (ей предсказали, что она умрёт ночью, и она днём спала, а ночью принимала гостей).

«Милые южные дамы» — гречанка Калипсо Полихрони (говорили, что она была любовницей Байрона, и это будоражило чувства); цыганка, за которой поэт будто бы уходил в табор; дочери генерала Раевского — старшая Екатерина, по признанию Пушкина, «женщина необыкновенная», и младшая Мария, совсем ещё ребёнок; жена итальянского негоцианта экстравагантная Амалия Ризнич; умная и оболстительная графиня Елизавета Воронцова, предмет его «могучей страсти».

Тригорские барышни, соседки по Михайловскому — то поэтические создания, то «несносные дуры», его крепостная девушка Ольга Калашникова, «мимо-лётное виденье», «гений чистой красоты» Анна Петровна Керн...

Был ли он счастлив? Или «картины счастливой любви» были только в его воображении?

И чувствую: в очах родились слёзы вновь;
 Душа кипит и замирает;
 Мечта знакомая вокруг меня летает;
 Я вспомнил прежних лет безумную любовь,
 И всё, чем я страдал, и всё, что сердцу мило,
 Желаний и надежд томительный обман...
 Шумы, шумы, послушное ветрило,
 Волнуйся подо мной, угрюмый океан. (II, 146)

«В глуши лесов сосновых», в маленьком домике над Соротью воображал он берег моря, Фауста и Мефистофеля:

Фауст

О сон чудесный!
 О пламя чистое любви!
 Там, там — где тень, где шум древесный,
 Где сладко-звонкие струи —
 Там, на груди её прелестной
 Покоя томную главу,
 Я счастлив был...

Мефистофель

Творец небесный!
Ты бредишь, Фауст, наяву!
Услужливым воспоминаньем
Себя обманываешь ты. (II, 436)

В стихах к тригорской барышне Алине Вульф
Пушкин признавался:

Алина! сжальтесь надо мною.
Не смею требовать любви.
Быть может, за грехи мои,
Мой ангел, я любви не стою!
Но притворитесь! Этот взгляд
Всё может выразить так чудно!
Ах, обмануть меня не трудно!
Я сам обманываться рад! (III, 27)

Воображаемое счастье воплощалось и в поэзии, и
в прозе:

Мой голос для тебя и ласковый и томный
Тревожит позднее молчанье ночи тёмной.
Близ ложа моего печальная свеча
Горит; мои стихи, сливаясь и журча,
Текут, ручьи любви, текут, полны тобою.
Во тьме твои глаза блистают предо мною,
Мне улыбаются, и звуки слышу я:
Мой друг, мой нежный друг... люблю... твоя... твоя!
(II, 289)

«Сейчас ночь, и ваш образ встаёт передо мной, такой печальный и сладострастный; мне чудится, что я вижу ваш взгляд, ваши полуоткрытые уста.

Прощайте, мне чудится, что я у ваших ног, сжимаю их, ощущаю ваши колени — я отдал бы всю свою жизнь за миг действительности. Прощайте, и верьте моему бреду; он смешон, но искренен» (*оригинал по-фр.*; XIII, 212, 546).

Безответность, непонимание, измены, обиды — всё это было в его жизни человека без больших чинов и состояния, который жил жалованьем коллежского секретаря и «стишистой торговлей» (занятие, в свете непочтенное). Не случайно герои его романтических поэм и стихотворного романа несчастливы в любви — кавказский пленник, Гирей, Алеко, Татьяна, Онегин. Счастливое соединение влюблённых — в поэме «Руслан и Людмила», но ведь это сказка.

Неожиданно всё переменилось. 8 сентября 1826 года по высочайшему повелению Николая I Пушкин вернулся из михайловской ссылки в Москву, где шли коронационные торжества. Аудиенция с императором в Чудовом дворце Кремля продолжалась более часа. Пушкин вышел из царского кабинета, окрылённый надеждами на славу и добро для Отечества, на милосердие к друзьям-декабристам, томившимся в крепостях и сибирских острогах. Москва, по выражению старого стихотворца А.Е. Измайлова, короновала нового императора, короновала затем поэта. Пушкин был признан первым поэтом России. Его читали, им восхищались. Чтение «Бориса Годунова» в домах близких ему друзей стало его литературным триумфом. Где бы Пушкин ни появлялся — на гулянье, в зале

Благородного собрания, в театре — все взоры устремлялись к нему. Он стал героем дня. И дамы не замедлили обратить на него своё благосклонное внимание. Об этом вспоминала А.Г. Хомутова, сестра гусарского офицера, с которым Пушкин был знаком ещё по Петербургу. «Альбомы и лорнетты в движении»², — писал друг Адама Мицкевича Ф.И. Малевский. Когда Пушкин появился в самом блистательном литературном салоне Москвы, то его хозяйка княгиня Зинаида Александровна Волконская встретила его пением романса на его, пушкинские, стихи. Поэт, как заметил Вяземский, «был живо тронут этим обольщением тонкого и художественного кокетства»³.

В водовороте новых впечатлений, празднеств, встреч с родными, друзьями, литераторами, в хлопотах по изданию своих произведений, в творческих планах мечта о счастье, о любви не покидала Пушкина. Когда княгиня Наталья Степановна Голицына передала ему свой великолепный альбом, в котором были собраны автографы русских и европейских знаменитостей, то он вписал в него стихи из «Разговора книгопродавца с поэтом»:

Она одна бы разумела
 Стихи неясные мои;
 Одна бы в сердце пламенела
 Лампадой чистою любви!
 Увы, напрасные желанья!
 Она отвергла заклинанья,
 Мольбы, тоску души моей:
 Земных восторгов излишанья,
 Как божеству, не нужно ей!.. (II, 328–329)

Пушкин нетерпеливо искал спутницу жизни — в семье, в доме хотел он обрести своё счастье: его родственница Софья Пушкина вскоре после знакомства с ним вышла замуж. Увы! Он сватался к дочери президента Академии художеств Анне Олениной («маленькая ножка», «локон золотой») — ему отказали. Увы! Пушкин был очарован Екатериной Ушаковой («профиль, и глаза, и кудри золотые», «и речи резвые живые»), но их отношения стали влюблённо-шутливыми и постепенно сошли на нет. Ещё была Александра Римская-Корсакова:

У ночи много звёзд прелестных,
Красавиц много на Москве.
Но ярче всех подруг небесных
Луна в воздушной синеве.

Рисунки А.С. Пушкина в альбоме Е.Н. Ушаковой. 1829

Е.Н. Ушакова

А.А. Оленина